

ительских ризах, «шапке» и омофоре изображается Василий на миниатюрах 3, 7 и 9. Епископ Василий и сопутствующие ему клирики или муромские горожане изображаются на фоне одноглавого или трехглавого здания с вделанным в стене (или написанным на ней) изображением Муромской богоматери. Архитектурные формы в этих миниатюрах настолько схожи между собой, что можно предположить попытку изображения реально существовавших муромских храмов с их тремя или одной главами, кокошниками, шатровыми и бочкообразными покрытиями.

Примечательно, что всякий раз действие, которое на самом деле должно происходить в интерьере, вынесено на открытое место, а здания составляют лишь фон. Они сконцентрированы на втором плане, несложны по своим формам и, как уже говорилось, полностью подчинены плоскости страницы. Изображаемые миниатюристом человеческие фигуры как бы двигаются вдоль этих архитектурных сооружений, а не внутри их. Общность архитектурных форм муромских храмов⁸ становится еще более очевидной при сравнении их с изображением храма и прилежащих к нему хором в Старой Рязани, куда перенес свою кафедру покинувший Муром епископ Василий. Хотя и рязанскому храму приданы три главы, но и покрытие, и несколько вытянутые ввысь формы храма, гладь его белой стены, прорезанной узкими окнами, резко отличны от форм муромских церквей. Сказавшееся в этом стремление к передаче реально наблюдаемых деталей является наиболее примечательной чертой в работах второго миниатюриста, в общем отличающихся еще меньшим профессиональным качеством и своего рода архаичностью художественных приемов. В этом отношении наиболее показательна 8-я миниатюра, где изображен епископ Василий «в молении».

Желая передать многократность и продолжительность действия, мастер изображает Василия в рост, стоящим перед иконой богоматери, а у ног его — вторую фигуру Василия, склонившуюся до земли в молитвенном порыве. Икона богоматери вделана в стену, завершающуюся огромным кокошником или бочкообразным покрытием. На стене вокруг иконы, а также и на здании позади фигуры Василия размещены крупные узоры в виде цветов и трилистников весьма примитивного очертания.

Сочетания цветов в миниатюрах, принадлежащих второму мастеру, более яркие, мазок его более широк, свободен и не всегда красочное пятно ложится по форме. Однако манера наложения краски совпадает и у первого и у второго миниатюриста. Оба они оставляют незакрашенной бумагу на самых освещенных местах, у них обоих пробелы, разделяющие волнистые пряди бороды или отметины на лицах, проложены второй, более светлой краской, а в некоторых местах бумага оставлена незакрашенной.

В относительно более пестрой и яркой красочной гамме второго миниатюриста много белого, в то время как первый мастер белый цвет употребляет менее часто и не на столь больших поверхностях.

Общий провинциальный характер миниатюр в сочетании с превосходным почерком заставляет поставить вопрос не только о времени создания миниатюр, но и о заказчике рукописи.

«Сказание о граде Муроме и о епископии его, како преиде на Рязань» несомненно связывается со всем циклом муромских повестей (в первую очередь с «Повестью о Петре и Февронии» и с «Житием князя Константина с чадами», иначе именуемым «Повестью о водворении христианства в Муроме»). Впервые оно встречается среди рукописей, связанных с кру-

⁸ Следует напомнить, что Муромский Благовещенский собор получил пятиглавый верх лишь в 1638 г.